

На фото: Максим Шульгин

28.12.2018, 19:58 **Томская область**

свой опыт

Рассказ активиста, которого заставили отказаться от претензий к ФСБ с помощью скотча

27 декабря сотрудники ФСБ доставили активиста «Левого блока» Максима Шульгина в Следственный комитет, а потом отвезли в какое-то здание и там душили, заставляя подписать документы об отсутствии претензий к ним. В апреле Шульгина **задерживали** по делу о песнях, возбуждающих ненависть. Тогда, по словам активиста, сотрудники ФСБ специально положили его лицом на печку в машине, от чего Шульгин получил ожог.

ОБ ЭТОМ НИКТО НЕ УЗНАЕТ

Если об этом никто не напишет. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы плохие дела не оставались в тишине.

ПОДПИСАТЬСЯ

25 декабря в восемь утра меня похитили от проходной завода, где я работаю. Люди были в штатском, сначала представились коллекторами и сказали, что я должник, силой запихнули в автомобиль. Четыре часа катали на машине по городу, склоняя к сотрудничеству. Говорили, что мы ездим по Томску, чтобы найти какого-то юриста. Около 10–11 часов машина остановилась на одной из автостоянок Томска. Внутрь залез человек, он сказал: «Привет, Максим, я не коллектор и не юрист, я — представитель ФСБ. Я тебе предлагаю дружить».

После этого я решил отсидеться дома и не светиться. 26 декабря я провел в квартире. На следующий день я позвонил начальнику и сказал, что мне нужно пару дней побыть дома. Спустя несколько часов начальник перезвонил и сообщил, что нужно как-то оформить прогулы: «Давай я к тебе подъеду и мы сделаем это». Я согласился.

Он приехал и отзвонился мне. Я вышел из подъезда, увидел, что стоит его автомобиль. Тут же меня задержали трое молодых людей в масках. Они не представились, не объяснили, для чего задерживают, вытащили все мои личные вещи, по карманам распахали своим, посадили в машину и повезли. Потом сказали, что везут к следователю.

Мы приехали в здание, где находится Следственный комитет. Меня привели в кабинет, там нас встретил следователь по моему делу по 282-й (статья

УК о возбуждении ненависти или вражды — ОВД-Инфо). Он пожаловался, что несколько раз звонил мне на мобильный, но я не брал трубку. Сегодня я посмотрел телефон — звонков от него не было. Я подозреваю, что следователь подыгрывал товарищам из ФСБ.

«Максим Михайлович, я хочу с тобой провести беседу», — сказал следователь. Я ответил, что буду разговаривать только в присутствии адвоката. В кабинете вместе с нами находились люди в масках, которые меня задерживали. Следователь выдал мне кучу-кучу повесток на несколько дат вперед и сказал, что он хочет провести медицинское освидетельствование. Я спросил: «Зачем?» Он ответил: «Чтобы у тебя не было претензий к этим людям в масках». Через какое-то время приехал медицинский эксперт. Документов как обычно никто не показывал, конечно. Осмотрел меня сверху, ноги, я снял футболку, штаны — искал кровоподтеки и синяки. Единственное, что вызвало подозрение, — он начал линейкой измерять старый шрам, оставшийся с апреля, когда сотрудники ФСБ мне руку прижгли.

Эксперт вынес заключение, что со мной все в порядке. Я подумал: «Ну, домой пойду». Но на этом история не закончилась. Сотрудники в масках отвели меня в другой кабинет, туда вскоре пришел человек, он сказал: «Ты же подозреваешь сам, зачем тебя сюда привели». Представился сотрудником ФСБ. Он начал говорить, что у меня могут возникнуть проблемы с работой, здоровьем, с моими родственниками. Он предлагал это решить, если я пойду на сотрудничество. Я должен был сказать, что на самом деле это я был не прав, а сотрудники ФСБ при моем задержании вели себя корректно.

«Ты же понимаешь, у этих сотрудников есть семьи, есть дети, садиться им не хорошо и увольняться с работы», — говорил он мне. Я отвечал, что сажать в тюрьму я никого не хочу, потому что считаю тюрьмы главным злом, но,

с другой стороны — когда страдал я, меня что-то никто не спрашивал. «Если вы работаете такими методами, то я вам не доверяю, а на сотрудничество я и не собирался идти. Я не хочу с вами дружить», — говорил я.

Мы беседовали очень долгое время. Потом сотрудник понял, что я иду на нет и позвал другого. Пришел товарищ в костюме, который назвал себя Евгением. Начал меня опять же склонять подписать отказ от претензий. Мол, если я подпишу бумагу, что сотрудники ФСБ — няшки-красавчики, котики-бегемотики, то все будет прекрасно. «Ты мужик, мы мужики, давай решим вопросы. Я с тобой сейчас как человек говорю, а не как сотрудник ФСБ». Он вел разговор агрессивно, представлялся «генеральным директором всего этого». Предлагал гешефты: на работе проблемы решить, решить вопрос с уголовкой по 282, финансовое благополучие. На это я ответил: «Мне от вас, ребята, ничего не надо».

«Понимаешь, несколько человек посадят, а многих уволят, начнутся проверки. Поэтому мы твою безопасность не гарантируем. Те же парни, которых уволят, они могут, грубо говоря, ноги тебе переломать. А проверки начнутся во всех ведомствах», — настаивал сотрудник. Потом он тоже ушел, я еще какое-то время просидел в кабинете. Пришли сотрудники в масках, надели на меня шапку, посадили в машину. Я так понял, в ту же самую, в которой меня везли из дома. За рулем сидел тот молодой человек, который меня задерживал в апреле и который просил включить печку ту самую. Я его узнал, хотя он был в маске. По глазам узнал — они у него карие, он такой смуглый парнишка. Я боялся, что меня куда-то вывезут.

Куда меня привезли, я не знаю. Завели в помещение. Там стоял стол, на нем телефон, вокруг было три стула. Там еще стояли такие электрические шкафы, специально для их охлаждения в комнате были установлены

кондиционеры. То есть это было техническое помещение какое-то. Меня там держали очень долго.

Через некоторое время пришел человек с сединой в волосах, назвался Сергеем Ивановичем. Он тоже стал со мной говорить за жили-были: кто по жизни, кем работаю и так далее. Рассказывал, что с 18 лет родину защищает, говорил, что родине и такие как я тоже нужны — но не так, чтобы садить пацанов, которые с 18 лет родину защищают. Они хотели мне привить чувство доблести и патриотизма, что ли, я не знаю. Сергей Иванович сказал: «Я всегда говорю правду, спроси любого». Я спросил: «Я сегодня дома-то окажусь?» Он ответил: «Да». Он ушел, но потом вернулся и сказал: «Я честный человек и забираю свои слова назад — домой ты сегодня не попадешь»

Спустя примерно полчаса в помещение зашли 10–12 человек в полном боевом обмундировании, в черной форме и масках, на руках у них были специальные перчатки. Супер-мега-ниндзя. Мне распяли руки, как Иисусу Христу, скотчем начали рот заматывать и ноги. Начали грубо орать: «Ты сука! Из-за тебя люди будут страдать! Мразь голимая!» Один из них сказал: «Из-за тебя, сука, я сидеть в тюрьме не хочу». После этого меня начали душить, но не за шею — тогда остались бы следы, а в области рта. Рот у меня был замотан скотчем. До последних сил терпел, пока мне не сказали, что с моими товарищами произойдет то же самое. Имелись в виду свидетели, которые видели момент моего задержания в апреле и агрессию сотрудников ФСБ. Тогда я принял решение подписать их бумажки.

Поэтому я подписал то, что мне подсунули. Там было написано, что я отказываюсь от претензий к сотрудникам ФСБ и сам во всем виноват. Мол, парни были настоящие гардемарины, а я был злодеем. После этого ко мне приходили два разных следователя, они в этом же кабинете в окружении людей в масках спрашивали у меня,

верны ли мои утверждения, на что я отвечал «да», потому что не хотелось последствий.

Дальше на меня снова натянули шапку и отвезли в район ЗКПД ТДСК (Завод крупнопанельного домостроения Томской домостроительной компании), где оставили на улице.

ЧТО Я МОГУ С ЭТИМ СДЕЛАТЬ?

Прочитать, рассказать, поддержать. Подпишитесь на регулярные пожертвования ОВД-Инфо, чтобы как можно больше людей узнали о политических репрессиях в России сегодня.

ПОДДЕРЖАТЬ

Ещё почитать

11.02.2026 Томская область

Из колонии освобожден томский журналист Игорь Кузнецов

18.12.2025 Вся Россия, Другое

Госдума в I чтении приняла законопроект об ограничении прав политпреследуемых, уехавших из России